

«ИДИ К ЛЮДЯМ...»

Однажды Солнце вошло в ярангу бедного оленевода и спросило:

— О чем ты поешь?
— Я пою о том, что плохо живу. От голода гибнет моя семья, — ответил оленевод. — Что мне делать, чтобы лучше жить?

— Я помогу тебе, — сказала Солнце. — Иди за мной. Вышли они из яранги.

— Смотри, — говорит оленеводу Солнце.

Оленевод увидел: много-много оленей пасется кругом. Большие яранги и красивые дома стоят. Горы дорогих товаров лежат около домов. Люди ходят в новых меховых одеждах.

— Это все твое. Иди к людям, работай, и ты будешь жить хорошо. Никогда твоя семья не погибнет от голода.

Сказало так Солнце, поднялось на небо и осветило тундру ярким светом...

Солнце — это Советская власть.

...Мы летим на север. Я читаю чукотскую легенду о солнышке, а когда самолет выходит из облаков, смотрю в окно. Слева все время плывут горы. Белые, острые, они кажутся неправдоподобными, как лунный пейзаж. Справа — море, застывшая мазанка ледяных полей и темных разводий. А по самому краю горизонта катится красное морозное солнышко. Это Чукотка, земля молодых легенд.

Мои спутники сидят в шубах, валенках. В багажниках покачиваются тяжелые дере-

вянные ящики. Нет, это не научная экспедиция и не геологоразведка. Это едет на гастрольную группу артистов Магаданского театра.

В любое время года гастрольные бригады театра можно встретить на дорогах необъятной Магаданской области.

...Где-то на Колымской трассе заглох мотор, и машина стала. Было пятьдесят градусов ниже нуля.

«СЛУЧАЙНЫЙ» СПЕКТАКЛЬ В МАРКОВЕ

Помните, как после письма инженера Полетаева в «Комсомольскую правду» в печати возник спор, который в конце концов свелся к одному довольно странному вопросу: а нужно ли вообще искусство? Если для кого-нибудь вопрос о необходимости искусства еще остается открытым, пусть он хотя бы раз совершит вынуж-

дательное путешествие в Марково. Больше кичего не писал Ральф Паркер, но вывод напрашивался сам собой: разве по ту сторону Берингова пролива иные природные или климатические условия? Нет, дело в другом. И чтобы понять происходящее за Беринговым проливом, достаточно просмотреть дореволюционные архивы нашего Колымского края.

Вот добросовестный подсчет дарского чиновника: за 106 лет Чукотка пережила 99 голодовок. Вот свидетельство рыцаря милосердия христового, тауйского священника: «Дети, обучавшиеся в домашнем заведении при Тауйской церкви, прекратили учение за неимением пищи». А вот и статистика, характеризующая состояние «культуры» в Колымском крае перед Октябрьской революцией: на территории, равной доброй половине Европы, были 4 начальные школы, 5 учителей, 4 кабинета, 11 церквей, 32 часовни и 72 шамана.

Не удивительно, что когда через каких-нибудь сорок лет после этого на европейские языки начали переводиться произведения чукотской литературы — настоящей чукотской национальной литературы, — это потрясло западный мир.

Поездка по сегодняшней Чукотке вызывает одно острое чувство — чувство ответственности. Мы две недели жили в одной гостинице со зрителями — с самыми разными людьми из самых разных чукотских поселков — и мы поняли, как много нужно этим людям и как, в сущности, мало может сделать одна небольшая гастрольная бригада. Везущая один-единственный спектакль. Сегодняшняя Чукотка жадно тянется к большой культуре. Она выписывает все подписные издания, какие только можно выписать, от корки до корки читает толстые и тонкие журналы, вечерами просиживает у радиоприемников, проглатывает кинофильмы, создает народные театры, коллекционирует репродукции русских передвижников.

Из всех легенд, существующих на Чукотке, самая удивительная и прекрасная, пожалуй, та, которую можно услышать от любого местного жителя. Начинается она обычно словами:

— Вот приедет лет через пять — не узнаете. Тогда у нас на Чукотке...

И дальше следует красочный рассказ. Он показывается совершенно фантастическим, если бы не было nämlich свидетелей совершивших Чукотку, и если бы не блестяли так увлеченно глаза рассказчика.

А. МАКЕЕВ,
соб. корр. «Советской культуры».

МАГАДАН — МАРКОВО — АНАДЫРЬ.

НА ЗЕМЛЕ МОЛОДЫХ ЛЕГЕНД

...В Охотском море застал сильный шторм, и, не надеясь дойти до порта, капитан решил выбросить судно на берег...

...Когда стало ясно, что дальше дороги нет, они погрузили ящики на большой лист железа, прицепленный к трактору, сели на него сами и поехали по снежной тундре...

Это все — об артистах. Обыкновенная работа. Гастроль...

Упакованная в походные ящики, обутая в оленьи торбазы, утомленная долгой дорогой, впервые пробирается на Чукотку комедия Анатолия Софронова «Миллион за улыбку».

Из кабины выходит озабоченный пилот:

— Анадырь не принимает. Самолет меняет курс. А пока можно немного рассказать о Магадане и Магаданском театре.

КОМБИНАТ ИСКУССТВ

Каждый день у здания с серой колоннадой вас встречает несколько афиш. Одна приглашает посмотреть «Иркутскую историю», другая — послушать оперетту «Где-то на юге», третья зовет на концерт, посвященный Бетховену, четвертая — в кукольный театр, пятая — на эстрадное представление, шестая — на вечер писателей-сатириков.

— Как же все это уживается под одной крышей и под руководством одного главного режиссера? — спрашиваю я Евгения Яковлевича Гаскина, директора необычного театра, скорее даже не театра, а комбината искусств.

— Это еще что! — говорит он. — Скоро вы увидите и такие афиши: опера «Чио-Чио-Сан», балет «Бахчисарайский фонтан». Уже в нынешнем сезоне!

Сделав скорбное лицо, Гаскин вздыхает:

— Нам очень трудно. Подумать только: три актерских коллектива.

— Видимо, все это временно, — замечаю я сочувственно. — Болезни роста. Наверное, скоро будет возможность отделять оперетту...

Недовольная мимика моментально исчезает с лица Евгения Яковлевича:

— Что? Отнять у нас оперетту? Ну нет, не выйдет! — Он ходит по кабинету и, хотя я совсем не спорю, сердито убеждает меня: — Вы поймите — это вполне оправдывая себя на практике форма. Это синтез. Мы существуем двадцать два года, уже десять лет мы музыкально-драматический театр.

Во время нашей беседы в кабинет вошел главный бухгалтер. И я не замедлил поинтересоваться, как он оценивает этот «синтез».

— Не хочу утомлять вас цифрами, — ответил он, — но прикиньте сами: в двух театрах — две производственные мастерские, у нас — одна; в двух театрах — два штата рабочих сцены, у нас — один; в двух театрах — два директора, у нас (он покосился на Гаскина) — один. И так далее... В итоге — вдвое меньше накладных расходов.

— А теперь взгляните с другой стороны, — подхватил Гаскин. — Если по ходу спектакля надо петь и плясать, мы вводим в драму настоящий музыкально-танцевальный ансамбль. Выигрывает от этого спектакль? Безусловно. Кроме того, у нас нередко бывает так: драма увозит на гастроль только что подготовленный спектакль, и лишь после того, как его посмотрит вся область, объявляется премьера в городе, на главной сцене. А отсутствие драмы совсем не чувствуется, потому что в это время на основной сцене дает премьеру оперетта. В наших условиях делать такие вещи совершенно необходимо, потому что без постоянной, круглогодичной гастрольной работы театр потерял бы значение областного.

А может быть, такие театры — «комбинаты искусств» нужны не только в Магадане, но и во многих других небольших областных городах?

денную посадку вместе с группой артистов где-нибудь на Чукотке, в маженьком поселке, который даже не включен в маршрут гастрольей как «не дающий сборов». Пусть он вместе с нами войдет в длинное низкое здание гостиницы, где у дверей жмутся озябшие собаки, а внутри густо пахнет теплом человеческого жилья.

Дежурная окинула нас приветливым взглядом:

— Эх, сколько вас! Негде мне вас селить.

Потом она повертела наши документы и сказала:

— Артисты значит... Не часто нас навещаете. Ну, вот что мы сделаем: женщинам я свою комнату отдаю, а мужчины как-нибудь на раскладушках разместятся. В тесноте, да не в обиде.

И добавила:

— Может, спектакль у нас сыграете? Дай нам бог завтра неветной погоды!

На другой день погода действительно выдалась неветная. Артисты были в нерешительности: может, в самом деле выгрузить из самолета реквизит и дать спектакль? Но вдруг не будет сбора?

И, как всегда, нашелся энергичный человек, взявший ответственность и заботы на себя. Володя Решетников, геолог из Анадыря, сбегал в аэропорт и выяснил, что вылета сегодня наверняка не будет. Потом сбегал в клуб и договорился о помещении.

Если кто-нибудь еще сомневался, нужно ли искусство вообще, пусть придет в чукотский поселок Марково и посмотрит, как гудит перед клубом толпа недовольных, которым не хватило билетов, как заглядывают любопытные за штору, где гримируются артисты, как нетерпеливо рукоплещет переполненный зал и перекатывается по рядам добродушное: «Не было бы счастья, да несчастье помогло». Пожалуй, не мешало бы увидеть все это и тем, кто занес Марково в число населенных пунктов, «не дающих сборов». Два дня при полном зале шла здесь комедия А. Софронова «Миллион за улыбку».

Я уже вижу снисходительную улыбку какого-нибудь скептика:

— Ну еще бы! В таком-то медвежьем углу...

Нет, уважаемый скептик. Мы две недели жили в Маркове, в одной гостинице со зрителями, и знаем наверняка: Чукотка — не мелкий уголок, несмотря на ее отдаленность от больших театров и картинных галерей. Там есть настоящий зритель, умный ценитель искусства.

САМАЯ ПРЕКРАСНАЯ ИЗ ЛЕГЕНД

Марковская гостиница.

За дверью кто-то играет на гитаре полонез Огинского, а по коридору ходят, курят и тихо разговаривают двое чужаков. На одном из них меховые штаны и ковбойка, зовут его Васей, и он охотник откуда-то с мыса Шымдта. На другом — модный пиджак и очки, и это всемирно известный писатель Юрий Рытхэу.

Когда рассказы Рытхэу впервые появились на английском языке, журналист Ральф Паркер прислал ему сдержанное, но взволнованное письмо. Паркер писал об игальмютах — одном из эскимосских племен американского материка. В 1912 году игальмютов было две тысячи. Теперь осталось только семь человек и среди них ни одной женщины.